

Бородино и русская святость

В небольшой статье нет возможности достаточно полно осветить такое емкое богословское понятие как «святость». Поэтому мы будем говорить главным образом о конкретных личностях, о святых угодниках Божиих, известных подвижниках благочестия и об их духовных контактах со Спасо-Бородинским монастырем. Коснемся также традиций православного подвижничества, наследницей которых стала эта обитель. Все эти вопросы будут рассмотрены в контексте той эпохи духовного возрождения, которая имела место в России XIX в., что поможет не только дополнить и расширить историю Спасо-Бородинского монастыря, но и увидеть место, которое заняла эта сравнительно молодая обитель в ряду древних святынь Земли Русской.

Первоначальная история монастыря на Бородинском поле являет собой пример древнего благочестия. Ведь при всей неординарности судьбы игумений Марии (Гучковой) история ее жизни напоминает жития многих прославленных и непрославленных подвижниц Святой Руси. Достаточно вспомнить таких угодниц Божиих как преп. Анна Кашинская, преп. Евфросиния Московская, препп. Евфросиния и София Суздальские, чтобы увидеть сходство. Все они, потеряв супругов своих, встали на путь монашеский. Это служение вдовиц Церкви Христовой берет свое начало еще со времен апостольских и становится, можно сказать, традиционным на Руси.

Прекрасен и величественен образ игумений Марии, от него веет древней святостью. Но не будем, однако, забывать, что решающее значение в создании Спасо-Бородинского монастыря имело руководство и покровительство святителя Филарета Московского. Для игумений Марии он был поистине «Отцом-Благодетелем» (как величала его сама основательница обители).

В этой связи можно провести следующую аналогию. Многочисленные женские обители и общины, учрежденные в XIX в. в России, имели своими попечителями и руководителями святых подвижников. Так, знаменитый Дивеевский монастырь был создан по благословию преп. Серафима Саровского, преп. Амвросий Оптинский основал Шамординскую пустынь, а преп. Варнава Гефсиманский — Иверский Выксунский монастырь. Это наиболее известные примеры.

По словам биографа игум. Марии, Елисаветы Шаховой, ни одна обитель того времени не могла похвалиться столь близким общением со свт. Филаретом как Бородинская. Об этом свидетельствуют его письма к двум настоятельницам монастыря, перво-начальнице Марии и ее преемнице, игумений Сергии (Волконской). В них святитель предстает перед нами и как талантливый организатор монашеского общежития, и как рачительный хозяин-строитель, и как старец-духовник, и как чадолюбивый отец.

Игум. Мария почитала святого архипастыря «благодетелем души своей»: ведь благодаря его мудрому руководству она воскресла к новой жизни во Христе. До конца дней своих матушка ничего не предпринимала без совета и благословения свт. Филарета. Его назидательными письмами она питала и своих духовных чад, сестер бородинских. «Общежительные правила», составленные святителем Филаретом согласно с древними иноческими уставами, легли в основу Устава Спасо-Бородинского монастыря. Некоторых сестер обители святой архипастырь знал лично и нередко принимал их на Троицком подворье как по вопросам обители, так и по личным нуждам.

Свидетельством прижизненного почитания московского святителя в Бородине стала домовая церковь, названная в честь его небесного покровителя, св. прав. Филарета Милостивого. Святитель Филарет освятил ее 23 июля 1839 г., а вместе с нею и весь монастырь, обойдя его крестным ходом и окропив стены св. водой.

После освящения храма свт. Филарет произнес замечательную проповедь, основная идея которой такова: создание обители монашеской есть образ созидания души человеческой для вселения в нее Бога. «Разве не знаете, что вы храм Божий и Дух Божий живет в вас? И сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный», говорит Спаситель словами апостола (1 Кор. 3, 16., 1 Петр. 2, 5.). В благодатном обожании человека видит он смысл и цель жизни христианина. Эту же мысль святитель Филарет часто повторяет в письмах к игумений Марии. Как сходна она со словами их великого современника, преп. Серафима Саровского, произнесенными еще в 1831 г.: «Истинная цель жизни нашей христианской состоит в стяжании

Духа Святого Божия». Это созвучие неслучайно: ведь святитель и преподобный — ветви одного дерева, напаяемого от вод святоотеческой мудрости, представители одной эпохи, когда воскресло вновь древнее учение о призвании всякого христианина к обожению и святости. Этой идеей вдохновлены и пронизаны творения свв. отцов Церкви, ею созидался дух русского монашества в прежние времена, она же стала знаменем и духовного расцвета России XIX в.

А преп. Серафим был в то время живым примером благодатного обожения и святости. В келье основательницы Спасо-Бо-родинского монастыря мы находим его прижизненный портрет, который свидетельствует о его почитании игум. Марией еще до церковного прославления. И не только до прославления, но и когда самый вопрос о канонизации великого угодника Божия был весьма спорным.

Откуда же могла знать матушка о преподобном? Как могла проникнуться благоговением к нему? Несомненно, она знала о преп. Серафиме и восприняла свет его святости от наместника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Антония (Медведева, канонизирован в 1998 г.). От его руки, по благословению свт. Филарета, приняла матушка иноческий постриг и до самой кончины своей находилась с ним в дружеских отношениях. От него она, по-видимому, получила портрет преподобного.

Архимандрит Антоний начал свой монашеский путь в знаменитой Саровской пустыни. Преп. Серафим тогда еще находился в затворе. Но позже, уже будучи строителем Высокогорского монастыря, преп. Антоний был частым посетителем великого старца. От него он получил извещение, что станет наместником «обширной Лавры».

Благодатный свет общения с преп. Серафимом Антоний смог передать не только игум. Марии, но и самому святителю Филарету. Причем последний настолько проникся верой в святость Саровского Чудотворца, что был инициатором издания первого его жития. В этом своем начинании свт. Филарет не был поддержан Св. Синодом, но все-таки благословил распространять житие в списках.

Через преп. Антония была связана игум. Мария и с представительницами женского монашества, а именно — с ученицами известного старца-подвижника Феодора Ушакова, вышедшего из круга собеседников преп. Паисия Величковского. Настоятельница Арзамасской Алексеевской общины, основанной старцем Феодором, инокия Олимпиада (Стригалова) долгое время была духовной наставницей преп. Антония. Арзамасская община имела строгий общежительный устав и восприняла от своего основателя наставление в умном делании.

Несомненно, что преподобный Антоний в своих беседах с игум. Марией (Тучковой), которые происходили всякий раз во время ее ежегодных паломничеств в Лавру, делился с нею своим духовным опытом и помогал ей в затруднительных вопросах монашеской жизни. Нельзя обойти стороной и то решающее значение, которое имела эта обитель в жизни игум. Марии. Игумена земли русской, преп. Сергия, матушка почитала еще будучи светской женщиной. Каждое лето ездила она на поклонение его св. мощам; в честь него освятила и престол в новоустроенном ею приделе Смоленской церкви с. Бородина. В Троицком соборе Лавры, у раки преподобного, сподобилась она принять иноческий и монашеский постриги, там же была поставлена в сан игумений. При постриге в рясофор восприемным отцом Тучковой был свт. Филарет, при мантийном же постриге он собственноручно подвел ее к раке преподобного, тем самым вручая новопостриженную его святому руководству и заступлению.

За месяц до блаженной кончины игум. Марии преп. Сергей явился ей во сне, как бы призывая принять его последнее благословение, после чего уже слабеющая матушка устремилась в Лавру, чтобы поклониться св. мощам преподобного. Его предстательству и молитвам препоручила она, умирая, свою обитель.

Следующим современником игум. Марии, к которому обращалась она за назиданием, был святитель Игнатий (Брянчанинов). По приглашению матушки он, еще будучи архимандритом, наместником Троице-Сергиевой пустыни, что под Петербургом, гостил в Спасо-Бородинском монастыре с 30 июля по 2 августа 1847 г.

Много часов провела игум. Мария в беседах с богомудрым подвижником, великим писателем-аскетом. Направляла она к нему за советом и своих духовных чад. Накануне отъезда свт. Игнатий произнес пространное поучение для всех сестер, в котором объяснял божественный смысл Нагорной проповеди применительно к монашеской жизни.

Бессмертным памятником этого посещения является «Воспоминание о Спасо-Бородинском монастыре» (см. в конце материала), написанное святителем вскоре после посещения обители. Подробнейшее описание пребывания свт. Игнатия в Бородине можно

найти в «Памятных записках...» Елизаветы Шаховой, духовной дочери свт. Игнатия, положившей начало иноческому житию в Спасо-Бородинском монастыре под руководством игумений Марии.

Была знакома матушка и с подвижниками Глинской пустыни. Именно в Бородино зимой 1842 г. приехал за помощью возобновитель Святогорской Харьковской пустыни иеромонах Арсений (Митрофанов), ставший впоследствии ее архимандритом. Это был подвижник, исполненный дарований духовных, любимый ученик знаменитого Глинского старца игумена Филарета, который, в свою очередь, назидался у архимандрита Софрониевой пустыни, старца Феодосия, друга и сподвижника преп. Паисия (Величковского).

Игум. Мария дала о. Арсению рекомендательное письмо к известной церковной благотворительнице того времени, Татиане Борисовне Потемкиной, которая стала главным ктиторм возрождающейся Святогорской обители и благодаря которой монастырь этот стал одним из красивейших и благоустроеннейших в России.

Игум. Мария была знакома и состояла в переписке с уважаемым современниками игуменом Паисием (Соколовым, 1854г.), настоятелем Вознесенской Давидовой пустыни Московской епархии. Из писем к нему мы узнаем, что в конце 30-х — нач. 40-х годов матушка совершила паломничество в Киево-Печерскую Лавру, колыбель русского монашества, где «по любви митрополита Киевского жила в начальнической келии, что при пещерах». «Могу сказать, — пишет она, — что душа насладились зрением святых».

Еще одним представителем русской святости, лично знавшим основательницу Бородинского монастыря, был известный старец Зосима (Верховский), ученик старца Василия из круга собеседников преп. Паисия Молдавского. Этот подвижник был делателем умной молитвы, опытным старцем-духовником. Он основал 2 женских обители: Туринскую, в Сибири, и Богородице-Одигитриеву в Верейском уезде Московской губернии, пользовался благоволением свт. Филарета.

Старец Зосима посетил Спасо-Бородинский монастырь на самой заре его существования, в 1828 г., когда и монастыря, собственно говоря, еще не было. Но прозорливому старцу, по-видимому, было открыто будущее. Он привел к вдове Маргарите Михайловне Тучковой свою внучатую племянницу и духовную дочь, 16-летнюю Надежду Потемкину и, повергнув к ногам начальницы, просил принять ее в Бородинскую общину, говоря, что «она будет полезна обители духовно».

Слова старца Зосимы сбылись. Его духовная дочь стала впоследствии первой бородинской старицей, получив в схиме имя Сарры, став великой молитвенницей, печальницей, целительницей духовных и телесных немощей.

Своей преемнице по старчеству, преп. Рахили, блаженная старица Сарра предсказывала служение еще более высокое. Действительно, преподобная Рахиль, вторая старица Бородинская, проходила свое служение в страшные годы революционной смуты, гражданской войны, разрухи, голода, коллективизации, раскулачивания, просвещая мрак безбожия благодатным светом своих молитв, милосердия и любви.

С именем преп. Рахили в историю обители Бородинской входят имена еще двух русских святых. Это, прежде всего, преп. Феодосии Киево-Печерский, начальник монашества Российского, которого с юных лет почитала преподобная и житию которого старалась подражать. Он не раз являлся подвижнице, причем это происходило в решающие моменты ее жизни. Преп. Феодосии благословил преп. Рахиль на монашество, призвал к подвигу старчества, возвестил «отсрочку смерти» ради спасительного служения людям, известил о дне кончины. Святая угодница настолько живо ощущала покровительство преп. Феодосия, что даже называла его своим старцем.

Другим святым подвижником, оказавшим большое влияние на преп. Рахиль, был преп. Иоанн Святогорский (канонизирован УПЦ). Она посетила его во время своих странствий, в 1861 г., когда этот старец-затворник уже сиял святостью. Он был выходцем из Глинской пустыни, учеником вышеупомянутого игум. Филарета. Преп. Иоанн, по-видимому, наставил преп. Рахиль в умном делании, прибавив тем самым к ее деятельной добродетели второе крыло — непрестанную молитву. Он же прозорливо предсказал подвижнице предстоящее ей в будущем старческое служение и за много лет благословил ее на этот великий подвиг.

Знал о подвижницах Спасо-Бородинского монастыря и преп. Амвросий Оптинский. Когда старица Сарра через шедших в Оптину монахинь передала ему поклон и попросила прислать ей свой халат и онучу, то старец сказал, что хотя они никогда не виделись, но духом

знакомы, и что матушка Сарра — великая подвижница, молитвенница, украшение Спасо-Бородинского монастыря. Не посмел преп. Амвросий отказать старице — послал халат и онучу, да приложил еще гостинцев и собственный портрет. Сестер же бородинских наставлял любить и почитать старицу, молиться за нее и открывать ей свои помыслы.

Есть упоминание о преп. Амвросии и в житии преп. Рахили. К нему, как последней надежде, пришел в поисках пропавшей дочери ее отец, и получил от старца утешительный ответ, что она находится на правильном пути. Тем самым преподобный как бы заочно благословил будущую старицу.

Преподобная старица Рахиль и Сарра — драгоценные плоды бородинского духовного сада. Но Бородино славилось не только своим старчеством. Современники смотрели на него как на рассадник духовности. Неслучайно поэтому, что из стен этой святой обители вышло несколько игумений.

Первая из них — игум. Антония (Троилина), близкая духовная дочь игум. Марии, ее возлюбленное чадо. Святителем Филаретом она была назначена настоятельницей сначала Страстного, а потом — Алексеевского Московских монастырей. В этих обителях игум. Антония ревностно насаждала общежительный устав, пользу которого она познала в Бородине.

Преимница игум. Марии, игум. Сергия (Волконская) после 20-летнего настоятельства в родной обители была переведена в Московский Кремлевский Вознесенский монастырь, а монахиня Валерия (баронесса Боде) стала игуменией Московского Страстного монастыря.

К игум. Марии обращались архипастыри и других епархий с просьбами дать сестер для новооткрывающихся монастырей. Так, ее сподвижница, монахиня Саломия (Воейкова) была поставлена игуменией в Новгородский Старо-Ладожский монастырь, а монахиня Евфросиния (Бехтерева) — в Полоцкий монастырь преп. Евфросинии. Хотя последняя не доехала до места своего служения, скончавшись в дороге, однако, по всей видимости, бородинские сестры принимали деятельное участие в возобновлении этой древнейшей обители св. Руси.

На этом оканчиваются имена известных нам подвижниц Спасо-Бородинского монастыря, их святых современников и собеседников. Конечно, многое осталось сокрытым от нас как, например, общение игум. Марии с московской подвижницей болящей Юлией, о котором упоминает в своих «Дневниках» игум. Евгения Озерова. Таинственной остается фигура одной из настоятельниц нашей обители схиигум. Алексии, привезшей в Бородино преп. Рахиль. Но ясно одно, что Спасо-Бородинский монастырь, созданный, на первый взгляд, по причине частной, семейной скорби, не только стал выражением чувств общенародных, но явился одним из ярких примеров того духовного возрождения, которое имело место в XIX в. в России.

Общение с выдающимися подвижниками своего времени позволило ему воспринять все лучшее, что было накоплено в богатейшей сокровищнице многовекового монашеского опыта. Всего за 100 лет своего существования обитель Бородинская, привившись к древу святости русской, принесла плод в лице своих стариц-подвижниц, и заняла определенное ей свыше место в ряду древних Российских монастырей.

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

Воспоминание о Спасо-Бородинском монастыре

На Бородинском поле верные сыны России совершили долг свой: твердо и мужественно противостали врагу многочисленному, водимому полководцем гениальным, усеяли поле трупами иноплемеников и трупами своими. Обширное поле сделалось обширным кладбищем.

Теперь на Бородинском поле верные дочери России совершают свой долг: над прахом жертв любви к Отечеству они принесли себя в жертву Богу, приносят непрестанную жертву молитв о себе и о павших в сражении сынах России.

Поэт, ты прав! Твой глас постиг характер этого поля: ты нарек его «поле-море». Прочитав название новое, я не понял его, но когда пришлось мне взглянуть с высоты на Бородинское поле, я тотчас увидел, что это — поле-море. Оно обширно, как море; оно все в переливающихся отлогих холмах, как в волнах. Былина нем и другие волны: несметные полки воинов. Утекли эти волны, утекли десятки годов после битвы знаменитой; стоит уединенно на поле смиренная обитель инокинь, как пристань на море.

Лились здесь слезы о павших под острием меча; лились здесь еще о сраженных преждевременно телесною смертью. Лились слезы в уединении, уединение и слезы очистили око ума. Видано пред ним — неожиданное, незнакомое доселе зрелище, умерщвленная грехом душа! Тогда печаль земная соединилась с печалью духовною.

Маргарита прежде всех пришла на кладбище войска русского, чтоб плакать над могилой храброго супруга; принесла туда и прах сына, угасшего не на Бородинском поле, чтоб плакать над двумя могилами вместе. Она дала себе обет печали пожизненной, надела на себя черные одежды с тем, чтоб не снимать их никогда. «Буду плакать над гробами, — помышляла она, — доколе смерть не отрет слез моих, доколе гроб не примет и моего тела».

Бог близок к скорбящим, близок к ним свет Его, близко утешение Его. Маргариту озарило небесное просвещение: она произносит обет иночества, облакает в таинственный образ, принимает новое имя — и уже Мария плачет у Гроба Иисусова. Камень земной скорби отвален от сердца: взорам души предстали Радостные Ангелы, приносят кроткое утешение веры. По праву, Мария, ты держишь в руках твоих жезл настоятельства на поле Бородинском. Ты приобрела это поле мечом твоим — слезами. Возьми ими и Небо.

Постепенно на обширное кладбище к знамени иноческому Марии, стекались дочери земли русской — постепенно обитель стражей могильных обращалась в обитель молитвенников и служителей Бога. На самом редуте левого фланга, где сеча кипела всего ужаснее, где в знойный день битвы образовалась грязь от смешения крови с землею, где выросли горы трупов — ныне святая церковь. В ней ежедневно приносится Бескровная Жертва о упокоении проливших кровь свою. Девы, умершие миру, воспевают надгробную песнь над витязями, умершими за Россию.

И часто изможденные бдением и постом старицы видят в тонком сне на жестких своих ложах: полки воинов вслед за полками возникают неизвестно откуда, идут стройно в уединенную обитель, входят в храм, проходят во святой алтарь, потом скрываются неизвестно куда. Робкие инокини решились приступить к являвшимся с вопросом, кто они. «Мы те, — ответ был воинов, — за которых вы молитесь. Приходим разделять с вами молитвы».

Бородинское поле, поле-море, поле великодушного подвига, убийства страшного — тихое безмолвное кладбище, оглашаемое лишь звоном монастырского колокола, сзывающего инокинь ежедневно, в известные часы, на молитвословия, и голосами поселян, обрабатывающих землю, пресыщенную кровию! Как пристань тут — обитель; как полки — посева хлебные; вместо киверов — колосья.

Благочестивые дочери России! Да поможет вам Бог совершить мужественно невидимый подвиг самоотвержения! Он помог братьям вашим неустрашимо, храбро встать, встать грудью русскою, против гордого супостата; Он да поможет и вам: Он — всемогущий Бог.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Шахова Е. Н.* Памятные записки о жизни игумений Марии, основательницы Спасо-Бородинского общежительного монастыря, в мире Маргариты Михайловны Тучковой (урожденной Нарышкиной). СПб., 18...
2. Письма Митрополита Филарета к игумений Спасо-Бородинского монастыря Марии (Тучковой). М., 1868.
3. Письма Московского Митрополита Филарета к игумений Спасо-Бородинского монастыря Сергии. Тверь, 1890.
4. Московские епархиальные ведомости. 1879, Прил. к № 50.
5. Святогорские подвижники XIX в., Харьков, 1894.
6. *Архимандрит Георгий (Тертышников)*. Архимандрит Антоний (Медведев), Наместник Свято Троице-Сергиевой Лавры. (Жизнеописание). Свято-Троице-Сергиева Лавра, 1996.
7. Женская Оптина. М., 1997.
8. *Иоанн (Снычев)*, митрополит С.-Петербургский и Ладужский. Жизнь и деятельность Митрополита Московского Филарета. Тула, 1994.
9. Монастыри и храмы Московской Епархии. М., 1999.
10. Жизнеописание игумений Антонии, настоятельницы Алексинского и Страстного монастырей в Москве. М., 1997.